

Russian Academy of Sciences
Institute of Europe

Moscow Department
of Friedrich-Ebert-Foundation,
Germany

**MODERN
SOCIAL-DEMOCRACY IN EUROPE:
CHALLENGES AND OPPORTUNITIES**

Reports of the Institute of Europe
No. 69

A 01 - 00337

Moscow 2000

Российская Академия Наук
Институт Европы

Московское представительство
Фонда им. Фридриха Эберта,
Германия

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ЕВРОПЕ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ

Выступления участников "круглого стола"
(Москва, Институт Европы РАН, 12 июля 2000 г.)

Доклады Института Европы
№ 69

Москва 2000

Редакционный совет:

**В.В. Журкин (председатель),
Ю.А. Борко, Л.Н. Володин, С.А. Караганов,
В.Г. Машлыкин, В.Н. Шенаев, Н.П. Шмелев, В.П. Федоров**

**Общая редакция, предисловие
и заключение – В.С. Рыкин**

**Редакция, перевод выступлений иностранных
участников на русский язык – К.С. Вяткин**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>В.Н. Шенаев.</i> Вступительное слово	11
<i>П. Шульце.</i> Вступительное слово	16
<i>А. Пост.</i> Основной доклад	18
<i>Ю.И. Рубинский.</i> Основной доклад	28
Выступления участников “круглого стола”	34
<i>К. Фредериксон</i>	34
<i>А.Н. Яковлев</i>	37
<i>Б.Ф. Славин</i>	39
<i>В.М. Кудров</i>	42
<i>О.А. Беклемищева</i>	43
<i>Б.С. Орлов</i>	45
<i>А.Т. Дробан</i>	45
<i>В.Л. Шейнис</i>	47
<i>В. Милитарев</i>	48
<i>А.К. Исаев</i>	49
<i>О. Соколов</i>	51
<i>А.В. Куликов</i>	52
<i>Ю.И. Рубинский</i>	52
Заключение	53

CONTENTS

Preface.....	7
<i>V.Shenaev.</i> Welcome speech	11
<i>P.Schulze.</i> Welcome speech	16
<i>A.Post.</i> Keynote speaker.	18
<i>Yu.Rubinski.</i> Keynote speaker.	28
Discussion.....	34
<i>C.Frederiksson</i>	34
<i>A.Yakovlev</i>	37
<i>B.Slavin</i>	39
<i>V.Kudrov</i>	42
<i>O.Beklemishcheva</i>	43
<i>B.Orlov</i>	45
<i>A.Droban</i>	45
<i>V.Sheinis</i>	47
<i>V.Militarev</i>	48
<i>A.Isaev</i>	49
<i>O.Sokolov</i>	51
<i>A.Kulikov</i>	52
<i>Yu.Rubinski</i>	52
Conclusion.....	53

ПРЕДИСЛОВИЕ

12 июля 2000 г. в Институте Европы Российской Академии Наук прошли заседания "круглого стола" на тему "Современная социал-демократия в Европе: вызовы и шансы". Научную дискуссию организовали Институт Европы и Фонд им. Фридриха Эберта (Германия). Предметом обсуждения стали следующие вопросы: программные требования социал-демократии и их эволюция, социально-экономические концепции и ценности европейской социал-демократии, политическая практика социал-демократии в европейских государствах.

Со вступительным словом к собравшимся (свыше 70 человек) обратились заместитель директора Института Европы РАН член-корреспондент РАН В.Н. Шенаев и руководитель московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта д-р П. Шульце. Основные доклады были представлены заведующим международным отделом Правления СДПГ д-ром А. Постом и руководителем Центра французских исследований Института Европы РАН д-ром исторических наук Ю.И. Рубинским.

В работе "круглого стола" приняли участие: член Европейского форума за демократию и солидарность К. Фредерикссон (Швеция), депутаты российской Государственной Думы О. Беклемишева, В. Лебедев, А. Исаев, а также представители партий и движений социал-демократической направленности (Российской партии социальной демократии, Социал-демократической партии, движения "Общественное согласие", Российской объединенной социал-демократической партии и др.).

Среди присутствовавших находилась большая группа ученых из Института Европы, Института мировой экономики и международных отношений, Института всеобщей истории, Института научной информации по общественным наукам, Института

философии, а также из Фонда М. Горбачева, Педагогического Университета, Российского независимого института социальных и национальных проблем, Российского государственного гуманитарного университета и других научно-исследовательских центров Москвы.

Участники активно обсуждали поставленные проблемы. Откровенный и деловой характер развернувшейся дискуссии способствовали сочетанию анализа различных теоретических вопросов с рассмотрением целого ряда практических проблем. Разговор, естественно, касался и судеб российской социал-демократии в свете накопленного европейского опыта.

На форуме были широко представлены средства массовой информации, различные газеты, радио и телевидение.

* * *

Вся подготовительная и организационная работа была осуществлена научными сотрудниками Центра германских исследований Института Европы РАН. Информация о "круглом столе" была опубликована в журнале "Современная Европа", №3, 2000 г.

Выступления участников "круглого стола" публикуются в сокращенном варианте.

PREFACE

Round table "Modern Social Democracy in Europe: Challenges and Opportunities" was organised on July 12, 2000 at the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences) by the Institute and the Friedrich Ebert Foundation (Germany). The topics of the discussion were:

- European social democracy program and its evolution
- European social democracy priorities and values
- European social democracy as a political actor

More than 70 participants were welcomed by Prof. V.Shenaev, Deputy Director of the Institute of Europe, and Dr.P.Schulze, Head of the Friedrich Ebert Foundation office in Moscow. The key presentations were performed by Dr. A.Post, Head of international dept. of SDPG Board, and Prof. Yu.Rubinski, Head of the Center of French studies (Institute of Europe).

A list of participants included C. Frederiksson (European Forum for the democracy and solidarity, Sweden), O.Beklemishcheva, V.Lebedev, A.Isaev (State Duma, Russia), representatives of the social-democratic organizations (Russian party of Social Democracy, Social-Democratic Party, Movement "Social Accord", Russian Unified Social-Democratic Party etc.), analysts from Moscow research centers, including Institute of Europe, Institute of World Economy and International Relations, Institute of Universal History, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Institute of Philosophy, Gorbachev Foundation, Pedagogical University.

The meeting gave a frame for the analysis of a number of theoretical topics as well as of questions of policy-making. The mission of

Russian social democracy in the light of European experience was also discussed.

The round table was highlighted by mass-media.

Organization facilities were provided by the Center of German studies of Institute of Europe (RAS).

Texts abridged.

В. Шенаев¹

Прежде всего хотел бы поблагодарить присутствующих, а также организаторов "круглого стола", в качестве которых наряду с Институтом Европы РАН выступил Фонд им. Фридриха Эберта и его представительство в Москве.

Что касается первого пункта повестки дня в отношении места и роли социал-демократии, то я думаю, что это один из наиболее актуальных вопросов в современном мире. В связи с этим следует обсудить его и высказать мнение о возможности констатировать усиление социал-демократии в конце XX века. Если брать чистые факты, то, мне кажется, такой вывод справедлив. В первую очередь последние годы уходящего века убедительно показали, что в ведущих странах Европы победили именно социал-демократы. Причем это произошло после так называемой неоконсервативной волны, которая наблюдалась в 80-е и первой половине 90-х гг. И сейчас, как представляется, социал-демократы начинают теснить неоконсерваторов, все больше отодвигая их от государственного руководства. В настоящее время около 50 партий Социтерна находятся у власти либо прямо, либо в коалиции с другими партиями. Что касается Европы, то здесь социал-демократы несомненно являются лидерами. Таким образом, по моему мнению, можно констатировать, что у социал-демократического движения открылось своего рода "второе дыхание". Однако возникает вопрос: в связи с чем это так и почему?

Во-первых, как мне представляется, экономическое развитие в национальных масштабах и в мире в целом происходит в пользу социал-демократов, поскольку на первый план выдвигаются такие задачи и проблемы, которые являются главными именно в повестке дня социал-демократии. Это и вопросы научно-технического прогресса, и социальной справедливости, инфор-

¹ Шенаев Владимир Никитович, член-корреспондент РАН, зам. директора Института Европы РАН.

мации и информатики, экологии и конвергенции экономической политики.

Во-вторых, в мире наблюдается усиление роли государства в регулировании рыночных процессов внутри стран и на международном уровне. Интеграция охватывает все большее экономическое и социальное пространство в Европе, где одиннадцать государств сформировали так называемый "Евроланд". Это означает, что в XXI веке складываются условия, которые в целом более благоприятны для социал-демократов по сравнению с не-олибералами.

В-третьих, интеграция, на мой взгляд, лишь усиливает позиции социал-демократии по проблемам глобализации, ибо задача социал-демократии состоит в том, чтобы привести в этот процесс социальную справедливость, социальное партнерство, сделать не только социально ориентированным рыночное хозяйство, но и социальное государство, что отнюдь не свойственно не-олибералам. Нам, россиянам, известно это на собственном опыте, накопленном с 1992 г.

Нам было бы интересно и полезно повнимательнее обсудить материалы конференций, мероприятий, которые проводили социал-демократы и на которых был сформулирован их концептуальный подход к целому ряду актуальных проблем. Я имею в виду, в частности, конференцию в Милане, состоявшуюся в марте 1999 г., на которой была принята совместная платформа европейских социалистических партий. В начале ноября 1999 г. на XXI конгрессе Социалистического Интернационала в Париже была принята Парижская декларация для социал-демократии в мире. В конце ноября того же года во Флоренции состоялся саммит европейских левых правительств, который был посвящен теме "Демократия в XXI веке: ценности, права и обязанности".

Хотел бы сказать несколько слов об актуальной ситуации в России. Ни для кого уже не является секретом, что с 1992 г. мы прочно легли на проамериканский курс. Между тем, если вспомнить историю нашей страны, следует отметить, что новый российский путь в начале XX века начинала и определяла именно Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). То, что происходило в Восточной Европе в форме "бархатных" революций конца 80-х годов, в свою очередь, свидетельствует о переходе вновь к социал-демократическим ценностям. Именно

поэтому будущее России может быть связано только с усилением социал-демократического подхода. Социал-демократизация в России проявляется, с одной стороны, в создании многих мелких партий социал-демократического направления, а с другой стороны, в эволюции КПРФ, программные требования и практика которой близки социал-демократии.

Что же касается реформаторов-демократов, то вместо того, чтобы развивать собственные концепции и идеи, они занимались так называемым "черным пиаром", то есть пытались в прошлом и продолжают порой и ныне огульной критикой прошлого нашей страны увести общественное мнение от оценки их антисоциальных позиций.

Если говорить о программных требованиях социал-демократии и их эволюции, то здесь на первый план выдвигаются такие вопросы, как отношение современной социал-демократии к той цели, которая до сих пор не изъята из их программы, - достижение демократического социализма. Анализируя задачи экономической политики, мы видим, что традиционный "магический многоугольник" экономических целей дополнен многими важнейшими вопросами, которые выдвинуты именно социал-демократией. Это и проблемы качества жизни, и социальные аспекты, и экология, и научно-технический прогресс, и регулирование экономических процессов со стороны государства и др.

В связи с этим хотелось бы упомянуть опубликованный в июне прошлого года "Манифест Т. Блэра - Г. Шредера", в котором провозглашается возможность "третьего пути" и "нового центра". Конечно, здесь прежде всего виден водораздел между консерваторами и социал-демократами. Однако не менее важно видеть концептуальные различия в подходах и между социал-демократиями разных стран. В частности, свое несогласие по ряду принципиальных вопросов выразили такие видные деятели европейской социал-демократии, как Л. Жоспен, М. Алама, А. Гуттереш.

Вопрос о "новом центре" связан среди прочего и с расширением электоральной базы социал-демократии. Достаточно сказать, что удельный вес рабочего класса резко сокращается во всех странах. Поэтому переход к новым социальным слоям, привлечение на свою сторону интеллигенции представляют собой

важную тенденцию, которая сейчас наблюдается в социал-демократии.

Следует отметить и новую социально-экономическую политику, возможности социального партнерства правительства, бизнеса и профсоюзов. Существенную роль в эволюции программных требований социал-демократии должна, на мой взгляд, сыграть Парижская декларация XXI конгресса Социалистического Интернационала. Именно в этом документе были подняты ключевые вопросы, характерные для социал-демократии. Это и критика монетаризма, и критика индивидуализма. В Европе сейчас активно выступают за европейский регионализм в условиях интеграции и глобализации, за социальное государство, социальное измерение и человеческий капитал. Это новые вопросы, которые поставлены современной социал-демократией.

Хотелось бы остановиться и на следующем вопросе. Не происходит ли сейчас в теории движение от кейнсианства к институционализму? Дело в том, что для XX века была характерна теоретическая борьба между неолибералами и монетаристами, с одной стороны, и кейнсианцами - с другой. Параллельно набирал силу и институционализм, выдвигавший социальные проблемы и институты по регулированию экономических процессов. Это идет в историческом плане от Веблена до Гелбрейта, который в прошлом году приезжал в Москву и излагал свою концепцию и видение на будущее. Поэтому для Европы это очень важный момент, ибо, вобрав полезное от кейнсианства и взяв что-то от неолибералов, можно использовать новые моменты в институционализме, в регулировании социальных проблем на национальном и наднациональном уровнях. Это близко социал-демократии, особенно европейской.

Нельзя не сказать и о том, что Европе, в отличие от США, более свойствен именно дух коллективизма, который, я бы даже сказал, преобладает над индивидуализмом. Отсюда вытекает стремление к интернационализации, к интеграции и государственному регулированию социально-экономических процессов как на национальном, так и на региональном и на мировом

уровне в условиях глобализации. Наконец, важный аспект состоит в том, что социал-демократия по-новому ставит сейчас вопрос о "государстве благосостояния", выдвигая новое понятие - "социальное государство".

Несколько слов по вопросу о политической практике социал-демократии в европейских государствах. Наряду со многими общими чертами в социал-демократии Европы, имеются и существенные разногласия. Если взять четыре крупнейшие государства Европы, где власть находится в руках социал-демократов, то приходится констатировать, что они не могут во всем договориться между собой. С одной стороны, близки позиции Блэра и Шредера, с другой - Жоспена и Далемы. В последнее время к их позиции приблизился подход Гутерреша. Блэр, на мой взгляд, принижает в Великобритании возможности государственного регулирования и европейского федерализма, не в полной мере содействует развитию европейских интеграционных процессов. В то же время во Франции Жоспен выступает за демократический социализм. Для его подхода характерно высказывание: рыночной экономике - да, рыночному обществу - нет. Он выступает за резкое усиление роли государства.

Определенный интерес в связи с этим вызывает вопрос о том, не происходит ли сближение Шредера и Блэра в ущерб развитию отношений между Францией и Германией. Следует обратить внимание и на то, что у Шредера в последнее время обнаруживается больше точек соприкосновения с германскими христианскими демократами, чем с партнерами внутри самой социал-демократии. Достаточно упомянуть о серьезных противоречиях с бывшим председателем СДПГ О. Лафоненом.

Что касается Италии, то здесь Далема активно выступает за государственное регулирование в денежной, кредитной, финансовой и валютной сфере. Он идет на сотрудничество с другими партиями, включая коммунистов. В Португалии Гутереш, выступая за государственное регулирование, вместе с тем отвергает либеральные взгляды на глобализацию. Хотя эти вопросы рассматриваются в национальных масштабах, они очень важны для понимания роли социал-демократии в современных условиях.

П. Шульце²

Я приветствую уважаемых гостей, и в особенности А. Якова-лева, одного из известнейших зачинателей процесса демократизации в России, который стоял у истоков целого ряда ключевых процессов.

Господин губернатор Титов, год назад я имел возможность побывать у Вас в Самаре. Я знаю, сколь интересна та экономическая политика, которую Вы проводите в этом регионе. И я надеюсь, что на региональном уровне отношения между федеральной землей Северный Рейн-Вестфалия и Самарской областью будут все более интенсивными. Как мне представляется, они развиваются в правильном направлении.

Я благодарю всех присутствующих за то, что они нашли время принять участие в нашем "круглом столе". Выбранная нами тема дискуссии очень важна и интересна. В Западной Европе мы столкнулись с подобной ситуацией перелома, которая, впрочем, может быть, не столь остра, как в России. Эта ситуация подводит нас к переосмыслению накопленного опыта. Я думаю, что европейская социал-демократия, особенно германская, уже давно находится в процессе творческого переосмысления.

Упомянутый "Манифест Блэра - Шредера" в значительной степени отразил скорее потребности лейбористской партии, которая в начале 90-х гг. еще не пережила своего "Бад-Годесберга". Этот документ не следует вырывать из общего контекста. Он представляет собой ремарку в рамках более масштабного исторического процесса. На мой взгляд, история уже продвинулась значительно дальше.

Вопросы, которые предложены сегодня для обсуждения, затрагивают всех нас, независимо от того, к какому политическому спектру мы принадлежим. Они затрагивают и КИРФ, и

² Шульце, Петер, руководитель Московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта.

"Яблоко", и "Отечество". Они затрагивают и те различные группы, которые причисляют себя к социал-демократии и находятся в стадии новоформирования.

Хотел бы подчеркнуть, что речь идет о том, чтобы обрести доверие со стороны общества, чтобы доходчиво и убедительно обращаться к самым разным слоям общества. Речь идет, наконец, о том, чтобы представить партию в качестве служебного инструмента для населения, для каждого отдельного человека. Без этого нельзя рассчитывать на массовую поддержку партии, на вдохновение, на желания объединяться и организовываться.

В принципе, я перечислил задачи, которые уже давно известны, но к которым, на мой взгляд, никогда не было правильного подхода со стороны многочисленных политических групп. И я исхожу из того, что в России, которая находится в фазе политической стабилизации (как бы мы к этому не относились) в предстоящие 4-5 лет необходимо выполнить целый ряд важнейших задач.

Данный "круглый стол" должен стать лишь начальным звеном этого масштабного процесса. Мы надеемся на то, что в будущем на партийном и межпартийном уровне нам удастся организовать более интенсивный диалог между различными политическими движениями, который будет вестись не только в обычных нормативных условиях. Мы надеемся на то, что нам удастся институционализировать этот диалог и сделать его регулярным. Ведь одна из узловых проблем в отношениях между Россией и Западной Европой состоит в как раз в том, что практически отсутствуют предсказуемые наработанные структуры, позволяющие вести конструктивный диалог. Даже в годы "холодной войны" существовали более надежные структуры и велся гораздо более интенсивный диалог, нежели в последние десять лет. Неизбежным следствием этого стали различные несогласованности, непонимание, искаженное взаимовосприятие. Мы должны работать с обеих сторон над тем, чтобы подобная ситуация не увековечилась, чтобы нам удалось вырваться из темницы наших взаимных иллюзий. Важнейшим элементом преодоления этого должен стать интенсивный диалог между партнерами.

А. Пост³

Уважаемые дамы и господа! В. Брандт однажды сказал, что всякое время нуждается в своих собственных ответах. В отношении сегодняшнего времени этот тезис справедлив как никогда. До того, как я год назад занял пост секретаря СДПГ по международным вопросам, я проработал девять лет в Брюсселе, являясь исполнительным секретарем СДПГ в Европарламенте. Я и сейчас состою в правлении Социал-демократической партии Европы.

Для меня большая честь выступить на этом "круглом столе". Я шесть лет изучал социологию на крупнейшем социологическом факультете Европы в университете Билефельда. Что же мне удалось вынести после шести лет учебы? Прежде всего, я осознал, что мир сложен и полон взаимосвязей. В связи с этим в качестве вклада в нашу сегодняшнюю дискуссию я хотел бы обозначить несколько пунктов, которые, с моей точки зрения, являются исключительно важными.

Ограничительные факторы, определяющие степень свободы действий социал-демократических партий или правительств в Европе, достаточно очевидны. Однако здесь же, видимо, кроются и дополнительные шансы. Европеизация рынков товаров, глобализация финансовых рынков являются, на мой взгляд, такого рода ограничительными факторами. Однако, может быть, это не только факторы ограничения, и их не стоит рассматривать только лишь в негативном ключе. Может быть, они одновременно являются шансами и ресурсами. Действительно, в "Манифесте Блэра - Шредера" отмечено, что "государство благосостояния", созданное в Европе в 60-е - 70-е годы и вступившее в 80-е годы, по крайней мере в Германии, в фазу зстоя, подлежит реформированию. Осознание этого факта будет более явным, если учитывать, что в Европе есть конкуренты, которые действуют гораздо быстрее, чем мы, немцы. А это означает, что мы теряем рынки,

³ Пост Ахим, заведующий международным отделом Правления СДПГ.

сокращается экспорт, а значит, и рабочие места. В конечном итоге это означает потерю поддержки избирателей. Иными словами, это исключительно важный для нас процесс, сопряженный с тем, чтобы более внимательно присматриваться к тому, что делают наши европейские соседи.

Что касается подходов к реформированию "государства благосостояния", то здесь существует несколько базовых моделей. Одну модель представляет собой британский вариант развития. Его характерной чертой является отчетливо выраженная ориентация на рынок, которую проводит в жизнь Т. Блэр. Определенная модификация этой модели существует в Голландии, где преследуется та же цель, но с использованием иных средств, которые я бы определил как более согласованные. Наконец, существует еще и опыт перестройки так называемой шведской модели "государства благосостояния", оставшейся на протяжении десятилетий показательным образцом "государства благосостояния". Однако и здесь, как известно, социал-демократы должны были консолидировать бюджет, проводить меры по экономии, что довольно быстро привело к потере голосов избирателей и сокращению поддержки электората.

Хотел бы в связи с этим сказать несколько слов о различиях между Великобританией и Германией. Ключевое понятие сегодня уже прозвучало: "социал-демократы находятся у власти". Самое время задать вопрос, о какой власти идет речь, в чем проявляется эта власть, если имеется столь много объективных ограничений для действий?

В Германии эта проблема в меньшей степени проявляется как проблема экономической власти. В отличие от Великобритании у нас эти проблемы скорее сопряжены с государственной структурой, с политической культурой, со специфической ситуацией послевоенной Германии и с особой ситуацией объединенной Германии после 1990 г.

О государственном деятеле, вроде Т. Блэра, я бы сказал, что он располагает изрядной властью. Его поддерживают 43% избирателей, но при этом в парламенте он располагает большинством в 178 мандатов, что обусловлено британской мажоритарной избирательной системой. У него нет никаких проблем, связанных с проведением через парламент желательных решений. Консервативная оппозиция в Великобритании слаба, и поэтому Блэр

в принципе может решать проблемы удобным для себя образом гораздо быстрее, чем Шредер. И это при том, что Шредер как политик, на мой взгляд, как минимум столь же силен, как Блэр. Но мы вынуждены учитывать тот факт, что в Германии, как известно, существует уровень федеральных земель, которые представляют собой не только регионы, но и важнейший элемент конституированной государственной структуры. Социал-демократы сейчас располагают большинством в бундестаге, но не в бундесрате, являющемся "земельной палатой" германского парламента. Между тем около 70% всех принимаемых в Германии законов требуют одобрения бундесрата. Это обстоятельство обуславливает необходимость поиска консенсуса, а также максимально серьезного отношения ко всевозможным, прежде всего, земельным выборам. Далеко не просто проводить в течение 4 лет какую-нибудь реформу, когда одновременно одни выборы сменяют другие.

С другой стороны, существует еще и европейский уровень. И здесь, в свою очередь, необходимо отметить, что около 70% процентов немецких законов в области экономики проистекают из Брюсселя. В целом около 40% всех германских законов поступают из Брюсселя. Иными словами, германское национальное государство, которое формально обрело в 1990 г. свой суверенитет, на самом деле, как это ни парадоксально звучит, не могло его обрести, поскольку к тому моменту суверенитета в традиционном понимании вообще не существовало в природе.

С 1957 г., т.е. с момента образования ЕЭС, было принято 20 тысяч законодательных актов, которые были признаны немецким законодательством и претворены в жизнь. Этот факт иллюстрирует проблему, которая существует в отношениях между ЕС и претендентами на вступление в Европейский Союз. С ними должны быть проведены переговоры по 31 главе ЕС. Впоследствии надлежит не только ввести соответствующие положения в национальное законодательство, но и реализовывать эти положения на практике. Если новые нормы не будут реализовываться, то последуют значительные штрафы не только в отношении государства, но и в отношении городов, предприятий и даже работников этих предприятий. Иными словами, европейский уровень имеет исключительно большое значение для Германии.

Наконец, в Германии существует еще один уровень, пусть и не такой значимый, как уровень федеральных земель. Это коммунальный уровень.

Хотел бы отметить и тот факт, что у нас, в отличие от Великобритании, в Берлине существует 3 властных центра. Во-первых, это правление партии, находящейся у власти. Во-вторых, это само правительство. Наконец, есть еще парламентская фракция. Это три различных властных центра. В практическом плане необходимо подчеркнуть, что Г. Шредер может иметь самые замечательные идеи и располагать блестящими документами. Однако для их претворения в жизнь ему требуется убедить в своей правоте, во-первых, указанные мною три властных центра, а во-вторых, обеспечить поддержку большинства на земельном уровне.

Между тем, буквально все, что мы сегодня делаем, отражается в средствах массовой информации в масштабах, даже отдаленно несопоставимых с масштабами 50-х или даже 70-х годов. Когда К. Аденауэр первый раз стал канцлером, то он дал *одно* интервью радиостанции и отправился спать. При этом он охватил около 80% всех немцев. Сегодня Шредер практически ежедневно в течение двух часов должен давать интервью 30 телеканалам, десяткам радиостанций, несметному числу газет - и все это, чтобы охватить аудиторию в 30-40% населения Германии. В одном Берлине работают около 1000 аккредитованных журналистов. Очевидно, что всех их надо привлечь на свою сторону. Сегодня отчасти нам это удалось. На выборах 1998 г. значительная их часть была на нашей стороне. Но ведь это еще не все. Даже если вас поддерживают СМИ, это еще не означает, что вы располагаете поддержкой населения, т.е. избирателей.

Согласно последним опросам общественного мнения в Германии, 39% поддерживают консервативный ХДС, 37% - СДПГ, 9% - СвДП, 6% - "зеленых", 5% - ПДС, 4% - прочие партии. Политивная сторона состоит в том, что существуют 5 политических партий, которые представлены в бундестаге. Демократия в Германии стабильна, отсутствуют федерально значимые радикальные партии. У нас нет такой проблемы, как, скажем, в Австрии, где Хайдер за 15 лет добился увеличения своего электората с 5% до 28%, и его партия представлена в правительстве, или во

Франции, где достаточно сильны позиции Ле Пена, или в Нидерландах, где праволиберальная партия очень сильна.

Мы можем, однако, проанализировать эти цифры с точки зрения СДПГ. На мой взгляд, весьма примечателен уже следующий факт. С одной стороны, СДПГ имеет очень хорошего федерального канцлера и председателя партии, пользующегося значительным расположением со стороны средств массовой информации. Партия инициировала проведение целого ряда важнейших реформ и значительную часть их уже реализует (речь идет о выполнении уже в течение первых 15 месяцев наших предвыборных обещаний в 1998 г.).

С другой стороны, наш главный политический оппонент, ХДС, переживает крупнейший за послевоенный период финансовый скандал и кризис. И вот в такой действительно благоприятной ситуации, которой дополнительно способствует тот факт, что в первом квартале текущего года был достигнут экономический рост в 3,3% и несколько сократилась безработица, консервативная партия опережает нас в опросах общественного мнения. Это может иметь два объяснения. Либо другие значительно лучше нас (что я бы исключил), либо мы делаем что-то не так.

В связи с этим я думаю, что такая партия, каковой сегодня является СДПГ, добилась на выборах 1998 г. победного результата в 40,9% голосов избирателей во многом за счет того, что сумела создать очень неоднородный союз из представителей нижних слоев, средних слоев, от левых интеллектуалов и безработных до нормальных работников. И если этот альянс уже примерно через 8 недель после выборов начал расползаться, то очевидно что-то было сделано не так.

Что же мы сделали неправильно? После самой значительной победы на выборах СДПГ за всю ее 137-летнюю историю мы сделали ошибку, уделив слишком мало внимания координации на тех уровнях и в тех слоях населения, которые я только что назвал. Помимо этого слишком слабо была обеспечена координация усилий между парламентской фракцией, партией и правительством. К этому следует, видимо, добавить и то, что за слишком короткий промежуток времени мы хотели осуществить слишком многое. Наконец, мы позволили создать впечатление, что те, кто поддержали нас на выборах 1998 г. из среды лиц нашего труда, для нас более не столь важны.

Действительно, в сегодняшней Европе вроде бы более современной и гибкой считается ставка на новые средние слои, новые компьютерные, интернетовские предприятия с тем, чтобы иметь возможность получить имидж современной партии. Мы развиваемся и в этом направлении, и я с уверенностью могу сказать, что мы действительно являемся современной партией. Но этого явно недостаточно, во всяком случае в Германии, для того, чтобы перешагнуть сорокапроцентный уровень поддержки.

В результате мы проиграли целый ряд последовавших региональных выборов (в общей сложности 10, включая выборы в Европарламент), потому что не сумели добиться убедительной поддержки со стороны лиц наемного труда. Как показал дальнейший анализ, эта категория избирателей не стала голосовать за консерваторов, а просто осталась дома, проигнорировав выборы. Тенденция несколько улучшилась только в этом году, когда нам удалось одержать победу на двух важных региональных выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия и в земле Шлезвиг-Гольштейн.

Это позволило нам прийти к выводу о том, что усилиями нового генерального секретаря СДПГ Ф. Мюнтеферинга акценты расставлены правильно. Тем не менее в опросах общественного мнения мы отстаем от наших главных конкурентов на 2%. И здесь я вновь должен подчеркнуть, что на мой взгляд, основная проблема состоит в том, что даже для современной западноевропейской социал-демократической партии не представляется возможным выигрывать выборы без весомой поддержки со стороны лиц наемного труда, используя лишь потенциал СМИ, точнее даже, новых СМИ (Интернет), обеспечивающих процесс коммуникации.

Как я уже отметил, мы не оставляем без внимания и это направление. В частности, в СДПГ было инициировано проведение весьма амбициозного реформаторского проекта модернизации партии. Несмотря на это принципиально важным остается факт, что для победы на выборах необходимо добиваться поддержки конкретных людей. На мой взгляд, этого нельзя сделать посредством одного лишь того обстоятельства, что являешься современным. Важна содержательная сторона проводимой политики, и это необходимо доводить до сознания людей.

Крупные проекты, которыми занято нынешнее социал-демократическое правительство, практически все связаны с реформированием "государства благосостояния". Важнейшее место в повестке дня занимает вопрос о налоговой реформе. Все конкурирующие с нами соседние государства уже провели снижение налогов, причем как для предпринимателей, так и для граждан. Наш налоговый проект определяется в совокупности в 45 млрд. немецких марок. Одновременно мы осуществляем консолидацию бюджетов. Одна из наших задач состоит в том, чтобы с 2006 г. не было ни единой марки новой задолженности.

Одновременно мы занимаемся проведением пенсионной реформы, которая, впрочем, вызывает в высшей степени противоречивую оценку. До сих пор в Германии действует система, которая в основных чертах восходит ко временам Бисмарка. Она хорошо функционировала до тех пор, пока соблюдалось адекватное соотношение между теми, кто платит взносы и теми, кто получает пенсии. Однако эта система уже не функционирует в условиях, когда неуклонно возрастает число пенсионеров и сокращается число лиц, платящих деньги. И в этом вопросе, как и по целому ряду других вопросов, касающихся проведения реформ в стране, правительство Г. Коля оказалось не на высоте.

Наконец, нам предстоит реформа системы здравоохранения. Все это проекты, которые уже давно и в гораздо более полной степени реализуются в соседних с нами государствах. В этих областях Германия пока сильно отстает. Это означает, что нам следует увеличить темпы. Но здесь мы снова возвращаемся к исходному пункту. Социал-демократическое правительство неизбежно задается вопросом о политической целесообразности реформ: что с того, если в результате проведения ряда реформ, сократится поддержка со стороны избирателей, и все хорошее, чего удалось добиться, "достанется" нашим преемникам.

В связи с этим хотел бы подчеркнуть, что наша первоочередная задача состоит в том, чтобы победа на выборах 1998 г. привела к тому, чтобы мы выиграли и выборы 2002 г. и чтобы социал-демократическое правление в Германии не оказалось эпизодом, а стало эпохой. Возникает важнейший вопрос, каким образом во времена глобализации и европеизации социал-демократия может осуществлять успешное и эффективное правление?

Сегодня в СДПГ состоит 750 тыс. членов. Между тем в тот период, когда я вступил в партию, в ней насчитывалось 1 млн. членов. Ежегодно мы теряем 12 тыс. членов просто потому, что по естественным причинам убывает больше, что вступает в партию. Эту тенденцию следует остановить. Ведь в Германии было бы поистине немисливо, чтобы относительно небольшая партия, насчитывающая, как, например, Социалистическая партия во Франции 120-130 тыс. членов, смогла бы сформировать правительство. И я убежден в том, что в XXI веке современной, народной и правящей партия может быть лишь в том случае, если она имеет большой и качественный численный состав и обладает возможностью напрямую обращаться к своим членам.

До сих пор этот процесс общения осуществлялся посредством СМИ, о которых я уже говорил. Однако если канцлер и председатель партии осуществляет процесс коммуникации с членами своей партии только через СМИ, то мы оказываемся в состоянии зависимости от СМИ и уже не владем в полной мере ситуацией. Необходимо и дальше развивать процесс, начало которому было положено в ходе предвыборной кампании 1998 г. Тогда мы обеспечили все региональные пункты СДПГ доступом в Интернет и электронной почтой. И сегодня наша цель состоит в том, чтобы оснастить 12500 базисных ячеек СДПГ практически во всех населенных пунктах Германии Интернетом и электронной почтой. Только в этом случае можно завоевать людей на свою сторону. Одним лишь косвенным, опосредованным через СМИ путем этого сделать не удастся.

Сегодня, как и прежде, необходимо непосредственное обращение к людям со стороны тех, кто сам является убежденным. Нам необходимы последовательные социал-демократы повсюду - в школах, на предприятиях, в местах проживания.

Между тем именно это сегодня является крайне сложным. Ведь СДПГ, с социологической точки зрения, является классической партией определенной социальной среды. Мы возникли как классическая рабочая партия. Эта социальная среда позволила нам вплоть до конца 60-х годов оставаться сильными не только в период правления, но и в годы оппозиции. У нас был стабильный членский состав.

Но ведь и другие партии в Германии сильно сорентированы на определенную социальную среду. Так, например, ХДС имеет

сильную поддержку со стороны католических кругов. "Зеленые" опираются на поддержку сторонников движения за мир, экологов и женского движения. Эти движения имели практический в каждом населенном пункте Германии группы, инициативы которых шли в том же русле, что и у "зеленых". Поэтому "зеленым" относительно просто было оставаться стабильной партией. Успех ПДС за последние десять лет - это успех, о котором поначалу трудно было даже мечтать. В новых федеральных землях ПДС располагает поддержкой примерно 20% граждан. Таким образом ее успех в значительной мере объясняется тем, что на востоке эта партия имеет стабильный базис.

Учитывая сказанное, можно понять, что социал-демократам очень трудно организовать поддержку большинства. И я вынужден сказать, что скорее всего в результате реформ, которые мы проведем через земельные и федеральный парламенты и претворим в жизнь, большинство граждан отнюдь не скажут, что это было здорово. Напротив, многие усомнятся, зачем все это делается. Ведь сегодняшний избиратель, по крайней мере в Германии, судит о качестве правительства прежде всего по тому, что оно дало ему лично, его семье, его кошельку. Именно поэтому СДПГ вынуждена постоянно модернизироваться.

На протяжении всех 137 лет своей истории СДПГ оставалась партией программы, партий членов, а с Бад-Годесберга - и народной партией. Вместе с тем хотел бы отметить, что партийные программы имеют сегодня относительно небольшое значение. Те документы, которые уже были сегодня упомянуты (Парижская декларация, документы Социалистического Интернационала, предвыборный манифест СДП Европы) де-факто имеют в Германии минимальное значение. Мы в СДПГ желаем большего движения. Мы хотим оказать Гутеррешу поддержку. Мы с самого начала говорили, что он является очень хорошим кандидатом на пост председателя Социалистического Интернационала. Мы хотим, чтобы Социнтерн реально использовал все свои практические возможности. Ведь членами Социнтерна, как уже было отмечено, являются очень много партий, которые в последнее время оказались правящими партиями. Социнтерн может продвигать некоторые вопросы, используя неформальные каналы.

Однако все это достаточно сложно и возможно лишь в том случае, если в этом проявят заинтересованность руководители самого высокого ранга, которые будут принимать в мероприятиях личное участие. На практике же мы сталкиваемся с тем, что

распорядок встреч Шредера заполнен предельно. Реально он может осуществлять только те вещи, которые принесут ему какие-нибудь политические дивиденды. Он не может делать что-то просто потому, что убежден в подлинной важности этого. О том, что такое Социнтерн в Германии знают очень мало людей. Такова сегодня реальность общества, в котором доминируют СМИ и личности.

С точки зрения программтики СДПГ прошла в своем развитии три этапа. С момента основания и вплоть до 30-х годов в качестве цели было провозглашено построение принципиально нового, социалистического общества, всецело отклонялись капиталистические принципы организации общества. Этот подход по сути потерпел фиаско. Вторая фаза развития, кульминация которой пришлась на 60-е - 70-е годы, ознаменовалась акцептированием капиталистического общества с одновременным развитием элементов "государства благосостояния", с развитием социальной ориентации государства, от чего выгоду получили практически все слои населения.

Сегодня мы проходим третий этап развития. Все убедились в том, что кейнсианская модель развития "государства благосостояния" в Европе более не функционирует. Нынешний этап развития предполагает, что и германский социал-демократ может открыто заявить о том, что мы не только отвергаем неравенство в обществе, но и говорим, что может быть, здесь есть что-то хорошее. Может быть, это элемент, обеспечивающий общественное развитие. Может быть, это тот самый ресурс, который стимулирует прогресс общества. Лозунг Французской революции "Свобода, равенство, братство" трансформируется, по крайней мере в Германии, в лозунг "свобода, равенство шансов, братство". Во всех практических проектах, которыми мы сегодня занимаемся, мы отстаиваем принцип равенства шансов.

Завершая свое выступление, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что социал-демократическая партия в Европе, и прежде всего в Германии, может добиться победы лишь в том случае, если созданный гетерогенный альянс удастся сохранить, если удастся завоевать поддержку новых избирателей за рамками традиционной социальной среды, и если одновременно будут организованы условия для социального равенства. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что в условиях глобализации все это очень не просто.

На рубеже XXI века социал-демократия, особенно в Западной Европе, оказалась на гребне волны. В странах ЕС социал-демократы руководят 11 правительствами из 15, еще в двух они участвуют в коалициях. Это, конечно, большой успех. Казалось бы, можно с оптимизмом смотреть в будущее. Однако нас сегодня интересует настоящее, особенно в нашей стране, где нам необходимо учитывать собственный опыт и реалии.

Не боясь парадокса, хочу сказать, что на мой взгляд, социалистическое движение, и, в частности, социал-демократия, переживает сейчас самый глубокий за всю ее историю кризис идентичности. Конечно, подобные кризисы были и раньше. Прежде всего можно назвать раскол российской социал-демократии, а затем и II Интернационала после большевистского переворота в России в октябре 1917 г. После этого возникли "2½" и III Интернационал. После разрыва Сталина с Троцким уже внутри коммунистического движения появился IV (троцкистский) Интернационал. Разрыв Хрущева с Мао Цзе-дуном породил конфликт между ортодоксальным коммунистическим движением и маоизмом. Иными словами, история социалистического и коммунистического движения достаточно долгая и насыщенная кризисами.

Тем не менее в период, когда левый фланг мирового политического спектра был занят коммунистами и социал-демократами, на теоретическом уровне между ними не было принципиальных расхождений относительно конечной цели: ею был социализм, то есть обобществление средств производства путем ликвидации частной собственности на них. Разногласия в тот период преимущественно касались способов достижения данной цели: путь постепенных реформ или революция; парламентская демократия или диктатура пролетариата; решительная борьба классов или социальный диалог; участие в буржуазных правительствах или

систематическая оппозиция им и т.д. Даже в 1959 г. на съезде в Бад-Годесберге СДПГ, дистанцировавшись от марксизма, не отказалась от достижения указанной цели.

С крушением тоталитарных режимов в Советском Союзе, странах Центральной и Восточной Европы, успешным продвижением реформ Дэн Сяопина в Китае, полной маргинализацией троцкизма можно констатировать, что в левом лагере социал-демократия победила по всей линии с точки зрения выбора средств достижения цели. Но здесь-то и наступил час истины, ибо сейчас возник кардинальный вопрос: какова же сама цель?

Вопрос об уточнении цели возник в связи с тем, что социал-демократии брошен глобальный вызов в форме того, что, в частности в США, называют "новой экономикой". В период, когда экономика США в течение 10 лет демонстрирует на основе либерально-монетаристской модели одновременно беспрецедентно высокие темпы роста ВВП, самый низкий уровень безработицы за послевоенный период и фактическое отсутствие инфляции, эти условия создают качественно иную ситуацию. Те, кто традиционно голосовал за социал-демократию, спрашивают себя: для чего она нужна, за что борется и что может предложить лучшее взамен того, что уже есть? А если она действительно может предложить что-то более привлекательное, то в состоянии ли эта модель выдержать соревнование с той либеральной моделью, которая уже сегодня практически доказывает свою жизнеспособность и мощь? Иными словами, в условиях глобализации перед социал-демократами остро стоит вопрос, могут ли они, стремясь к самым благородным целям, позволить их себе в своей правительственной деятельности, выдвинуть принципиально иные подходы ко всем аспектам современного общества - экономическому процветанию, социальной справедливости, демократии, правам человека, качеству жизни, - не рискуя тем, что их страны окажутся под ударом в условиях международной конкуренции.

На мой взгляд, сегодня можно констатировать, что по сути дела все социалистические и социал-демократические партии уже существенно пересмотрели свои представления как о конечной цели, так и о средствах ее достижения и конкретных действиях у

⁴ Рубинский Юрий Ильич, доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

власти с тем, чтобы добиться успеха в нынешнем глобализированном мире в соревновании с либеральным монетаризмом.

Во-первых, везде, где социал-демократы у власти, фактически поставлен крест на примате государственной собственности на средства производства. Приватизация в рамках смешанной экономики, сочетающей разные формы собственности, избрана в качестве преимущественного пути, более эффективного, нежели массированная национализация послевоенного периода.

Во-вторых, борьба с инфляцией поставлена во главу угла экономической политики. Кейнсианство заменено иной экономической стратегией и тактикой, которая в свое время рассматривалась как одна из основных причин тяжелейшего кризиса в истории капитализма 30-х годов, а сейчас, как считается, более не вписывается в новые реалии.

В-третьих, налицо кризис и, соответственно, пересмотр основ "государства всеобщего благосостояния" в связи с демографической динамикой. Недалек тот момент, когда, с учетом постоянного снижения рождаемости и увеличения средней продолжительности жизни в постиндустриальных странах, на каждого работающего будет приходиться один иждивенец. Отсюда финансовый кризис соцстраха. Если взять удельный вес налогов и обязательных отчислений в государственные бюджеты и в фонды социального обеспечения, то мы видим, что в скандинавских странах, где в наиболее концентрированном виде существовала перераспределительная социал-демократическая система, эта доля превышает 50%. Во Франции, Италии она составляет около 43%-45%. В англосаксонских странах и Японии этот показатель еще ниже и составляет около 35%. Очевидно, что те страны, которые сохраняют высокий уровень перераспределения, проигрывают в себестоимости товаров и конкурентной борьбе, что ведет к бегству капиталов за рубеж и безработице.

Возникает вопрос, в чем же различие между левоцентристскими, реформистскими партиями, которые раньше называли буржуазными (Демократическая партия США - наиболее яркий пример), и социал-демократами? Чем социал-демократия отличается от консервативных или либеральных партий? Иными сло-

вами, перед социал-демократией стоит вопрос о самоидентификации. Отсюда, кстати, происходит термин социал-либерализм, введенный в оборот А. Гидденсом, автором формулы "Третьего пути" и вдохновителем "Манифеста Блэра - Шредера".

Фактически социал-демократия оказалась перед дилеммой: как выработать стройную систему ценностей, которая навсегда распрощается с прежними целевыми установками в том виде, как они формулировались раньше, и в то же время найти в себе силы, чтобы ее система ценностей была отлична от либеральной, но одновременно как минимум сохраняла экономическую эффективность этой либеральной системы как на уровне инструментов, так и на уровне результатов.

Для социал-демократии сложилась, можно сказать, шизофреническая ситуация, когда одно говорится в оппозиции, и совершенно другое, по сути очень близкое к политике консервативных или либеральных оппонентов, делается у власти. Такой подход может привести только в тупик. Попыткой выйти из этого тупика и стала концепция "Третьего пути".

Лично мне представляется, что на сегодняшний день "Третий путь" еще не состоялся. Я вообще не уверен, что он состоится как таковой, поскольку американская "новая экономика", которая приводится в качестве модели, развивается сегодня в уникальных условиях. Подобные условия могут быть приблизительно воспроизведены только в таких странах, как Австралия или Канада. В другие страны, будь то в Европе или тем более в "третьем мире", экспортировать американскую модель "новой экономики", по-видимому, невозможно. Между тем еще предстоит ответить на вопрос о том, насколько эта модель сама по себе долговечна и сумеет выдержать испытание временем.

В то же время эта модель безусловно не отвечает на целый ряд вызовов, с которыми столкнулось человечество накануне третьего тысячелетия. Более того, иногда она усугубляет ситуацию незащищенности перед лицом этих вызовов.

Во-первых, речь идет о том, что население мира делится на так называемый "золотой миллиард" и 5 миллиардов "других".

Когда через 10-15 лет население планеты значительно увеличится, эта проблема встанет с огромной остротой.

Во-вторых, проблема глобализации с распространением на страны "третьего мира" техники, капиталов, ноу-хау из развитых стран создает совершенно новую ситуацию в самих развитых странах. Это, кстати, одна из причин кризиса государства "всеобщего благоденствия".

Наконец, социальные проблемы и постиндустриального общества, и индустриального, и тем более доиндустриального невозможно решить на базе ни "консервативной революции" Тэтчер - Рейгана 80-х гг., ни сегодняшнего американского варианта "новой экономики". Более того, эти проблемы имеют тенденцию к углублению. Можно, в частности, констатировать, что ценой успеха борьбы с безработицей в США оказалось возобновление социальной и имущественной поляризации в постиндустриальном обществе. Это значимое и достаточно тревожное явление. Ведь после крушения коммунистической модели поляризация подпитывается через маргинальные слои ультраправые круги.

Есть, наконец, проблемы общества, которые только на основе рыночной экономики решать или очень трудно, или вообще невозможно. Речь идет и об экологии, и об иммиграции, и о меньшинствах и т.д. Поэтому, в заключение, хотел бы напомнить известную формулу, выдвинутую в свое время Э. Бернштейном: "Движение - все, конечная цель - ничто". Характерно, что французы, которые, на мой взгляд, являются большими ортодоксами, нежели сторонники "Третьего пути" в Великобритании или в Германии, сами сейчас вспоминают Бернштейна. Они, в частности, утверждают, что иного понятия для демократического социализма нет и быть не может. Ведь мы отказались от идеи, согласно которой социализм есть обобществление средств производства, ликвидация частной собственности и ее национализация. Без рынка современной экономики быть не может, но рынок нуждается в коррективах. Без этих коррективов общество может зайти в тупик и оказаться перед лицом катастрофы. Именно здесь и есть простор для социал-демократической альтернативы.

На мой взгляд, формула Бернштейна в широком смысле слова вполне применима к нам. Когда французские социалисты спорят с авторами "Манифеста Блэра - Шредера", они упускают преимущественно об одном: равенстве шансов, которое надо создать, и социальной поддержке тех, кто не может позаботиться о себе сам. Вот эти задачи, как и общественные задачи, которые не могут быть решены на сугубо коммерческой основе - все эти задачи могут быть решены только социально солидарным сообществом людей. Решение этих задач будет не в интересах какой-то одной социальной группы или класса, а в интересах всего общества, но уже не в рамках той модели "государства всеобщего благоденствия", которая изжила себя в 80-е годы. Ответ на вопрос, какова будет новая модель, даст только практика. Очевидно, что без социального измерения социал-демократия не выживет, поскольку это сам смысл ее существования. Сегодня социал-демократия по сути является "измерением совести", без чего рыночное общество, а не просто рыночная экономика, рискует повлечь за собой непредсказуемые последствия.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ «КРУГЛОГО СТОЛА»

К. Фредериксон.⁵ На протяжении вот уже 5 лет я работаю в Брюсселе в Форуме за демократию и солидарность. Форум был создан Социнтерном с целью найти близкие по духу партии в странах Центральной и Восточной Европы. Идею выдвинул В. Брандт, бывший в тот период председателем Социнтерна. Как известно, после 1989 г. первоначальной позицией Социнтерна было не принимать в свои ряды бывшие коммунистические партии советского блока. Однако это была плохая политика. Ведь мы знали, что в рядах этих партий было достаточно много наших единомышленников. И вот в 1993 г. был организован Форум. С тех пор некоторые бывшие правящие коммунистические партии стали членами Социнтерна (польская, венгерская и некоторые другие).

Хотел бы выразить согласие с уже прозвучавшей сегодня мыслью о том, что социал-демократы в сегодняшней Европе очень сильны. Однако правительства должны быть более сплоченными.

Я бы отметил здесь две крайности. Правительство Финляндии сформировано на базе так называемой "радужной коалиции". Социал-демократы и премьер-министр Липпонен располагают лишь 28% голосов по итогам последних выборов. Но они являются крупнейшей партией в Финляндии и сформировали правительство, участниками которого являются все, от консерваторов до бывших коммунистов. Это примечательно, особенно учитывая сравнительно недавнюю историю, поскольку в Финляндии в 1918 году была гражданская война между "красными" и "белыми".

Другая крайность характерна для Великобритании, где есть лишь одна соответствующая партия и правительство по сути дела является социал-демократическим. Но и ее результаты на вы-

борах были не столь впечатляющими - 44%. Тем не менее сама избирательная система Великобритании делает и этот результат вполне подходящим для правительства.

Таким образом, социал-демократам в Европе приходится работать в очень разных условиях. И довольно естественной стала комбинация, которую мы сегодня наблюдаем в Германии, во Франции и в Швеции, где осуществляется сотрудничество между социал-демократами как лидирующей силой в коалиции и "зелеными", или бывшей компартией, как в Швеции, или Коммунистической партией, как во Франции. В принципе, такие альянсы позволяют полнее мобилизовать левый электорат.

С другой стороны, в других государствах мы должны объединять силы, которые настроены скорее более либерально. Сегодня, например, такая ситуация складывается в Нидерландах и в Италии.

Самые сильные социал-демократические партии в рамках ЕС сегодня имеются в Португалии и в Греции. В обеих странах они набрали на последних выборах более 45% голосов. Однако здесь я бы хотел подчеркнуть, что нигде социал-демократы не располагают в электорате большинством. Лично я думаю, что прошло то время, когда отдельные партии могут завоевать более 50% голосов. Социал-демократы в Западной Европе сумели завоевать политический центр. Одновременно им удалось подорвать позиции партий правого спектра, так называемых "цивилизованных правых", т.е. либералов и умеренных консерваторов. Эти партии сталкиваются сегодня в Европе с большими проблемами. На мой взгляд, это одна из существенных причин того, почему социал-демократы добились сегодня столь успешных результатов.

С другой стороны, следует обратить внимание на такой феномен, что хотя влияние "цивилизованных правых" сокращается, более экстремистские правые, напротив, набирают силу. В этом отношении показательна обстановка в Австрии, Франции, Дании.

Таким образом, в настоящее время ситуация складывается таким образом, что социал-демократы не могут потерпеть поражение от своих традиционных оппонентов в лице консервативных партий. Но это вполне может иметь место со стороны более популистских партий, провозглашающих очень простые лозунги

⁵ К. Фредериксон, член Европейского форума за демократию и солидарность (Швеция).

и очень часто обращающихся именно к традиционному электорату социал-демократов.

Я обращаю на это внимание, потому что хочу подчеркнуть необходимость научиться искать компромиссы, быть более гибкими. Это необходимое условие для правящей партии в современной Европе.

Уже было сказано о том, что социал-демократы должны были сократить свои системы благосостояния (соцобеспечения). В Швеции это было сделано по экономическим причинам. Так, например, было невозможно оставить без изменений нашу систему пенсионного обеспечения в условиях сокращающегося ежегодного роста экономики, который вообще практически свелся к нулю в начале 90-х гг. И мы вынуждены были изменить нашу пенсионную систему, в которой, в частности, появился частный сектор.

Когда мы вынуждены были реформировать "государство благосостояния", мы говорили, что проще сократить определенные "вливания", как, например, страхование по безработице и т.д. (в Швеции, например, величина страховки достигает 90% прежней зарплаты). Такое сокращение до уровня в 75% было проведено сперва буржуазным правительством. Затем мы снова повысили уровень до 80%. То есть де-факто мы произвели снижение на 10%. Это вызвало достаточно острую критику со стороны наших сограждан, профсоюзов. Кроме того, это было использовано бывшей компартией Швеции. Эта партия держалась на уровне 5% голосов избирателей с 20-х гг. вплоть до 90-х гг. После распада СССР партия сменила название, произвела некоторые изменения в своей программе. Ныне она называется Левая партия, и сегодня у нас с ней возникли проблемы, так как она с 1994 г. находится на подъеме. На выборах 1998 г. коммунисты набрали 12% голосов, что является очень хорошим результатом. В то же время мы получили лишь 36%, что, по сравнению с прежними результатами, для нас является не столь успешным результатом.

Конечно, если объединить эти две силы, то вместе мы имеем 48%. Но для бывших коммунистов является достаточным искушением использовать нашу политику по урезанию социальных программ и заработать на этом определенные очки и популярность.

На выборах 1998 г. мы, чтобы остаться у власти, пошли на сотрудничество с бывшими коммунистами и "зелеными". Эта коалиция до сих пор функционирует довольно успешно. Бывшие коммунисты не участвуют в правительстве, но образуют нашу парламентскую базу. Существует экономическое соглашение между нами и двумя другими партиями. И оно функционирует весьма неплохо - экономика развивается очень эффективно.

Но у нас есть другая проблема в рамках сотрудничества с двумя другими партиями, которой, например, нет в Германии. Как бывшие коммунисты, так и "зеленые" являются убежденными противниками членства Швеции в ЕС. Сами социал-демократы в той или иной мере расколоты по этому вопросу (примерно пятьдесят на пятьдесят). Мы не принимали участия в большой европейской дискуссии о будущем "государства благосостояния" ("третий путь" Блэра и "новый центр" Шредера). Но мы сумели изменить систему, сократить расходы и долю ВВП, идущую в общественный сектор (сегодня это около 50%).

Вы знаете в том числе и на собственном опыте, что такой политике сильно сопротивляется прежде всего старый электорат. Это вызвало и определенные напряженности в отношениях с профсоюзами. И сегодня, когда наша экономика вновь на подъеме, мы стремимся к тому, чтобы по-новому выстроить наши отношения. Ведь без электоральной поддержки со стороны рабочего класса социал-демократы в Швеции не смогут одержать победу на выборах.

А. Яковлев.⁶ От имени Российской партии социальной демократии я хотел бы поприветствовать эту инициативу. Мы считаем себя тоже частью европейского социал-демократического спектра.

Я убежден, что у России на современном этапе социально-экономического развития нет другого выхода, кроме как исходить в основных чертах те принципы, на которых европейская социал-демократия сумела перейти от принципа классовой борьбы к принципу социального партнерства. Как известно, это

⁶ Яковлев Александр Николаевич, академик РАН, один из руководителей Российской партии социальной демократии.

было сделано эволюционным путем, без гражданской войны. Этот опыт, безусловно, заслуживает серьезного изучения.

И тем не менее, 5 лет назад мы назвали свою партию партией социальной демократии. Хотел бы объяснить, почему это так.

Во-первых, мы отказались взять в основу идеологии нашей партии марксизм-ленинизм и всю ту идеологию, которой придерживались многие социал-демократы, особенно у нас в России.

Во-вторых, в России социал-демократия обанкротилась и фактически предала интересы Российского государства и народа. Когда она образовалась в конце прошлого века, она исповедовала самые крайние радикальные позиции классовой борьбы, диктатуры пролетариата, отрицания гражданского общества. Поэтому для людей в России в конце концов это приобрело негативный смысл.

В-третьих, еще 5 лет назад мы говорили о том, что социал-демократия не использовала все свои резервы, но находится на пути к исчерпанию своего идеологического и политического потенциала. Мы считали, что поскольку в нашей Конституции заявлена цель создания социального государства, современным задачам построения социального государства в большей степени соответствует партия под названием партии социальной демократии.

Как я уже отмечал, мы также исходили из того, что социал-демократия в России сначала предала интересы своего народа, а затем и вовсе была задушена и ликвидирована. Фактически уже в 1918 г. были ликвидированы и меньшевики, и анархисты, и социал-революционеры, и все прочие движения, в той или иной степени примыкавшие к социал-демократизму. Я хочу в связи с этим напомнить, что перед смертью Сталина, в 1952 г., осталось только около 2 тысяч представителей этих партий, сидевших в лагерях, которых продолжала бояться та власть. Все прочие были физически уничтожены.

Был ли у нас впоследствии шанс к социал-демократизму? Ведь внутренне социал-демократический образ мышления не исчезал. В спорадическом виде он продолжал существовать и внутри КПСС, но в форме определенного реформирования, частичного улучшения, то есть отхода от наиболее экстремальных путей к более позитивным и эволюционным. Руководство ком-

мунистической партии это понимало и вело жесточайшую борьбу против социал-демократии.

Тем не менее в последние годы у нас стали устанавливаться связи с социал-демократическим движением, и в частности с СДПГ. Я лично помню, что встречи с социал-демократами Германии были значительно чаще, чем с лидерами Коммунистической партии Германии.

Наша партия четко заявила, что в политической области у нас нет расхождений с либералами. В социально-экономической сфере мы исходим из того, что путь социальной демократии гораздо ближе к условиям современной России, чем либеральный путь, хотя мои личные симпатии на стороне либерализма. В связи с этим хотел бы отметить и тот факт, что 5 лет назад в программных установках нашей партии была закреплена уже прозвучавшая сегодня формулировка "социальный либерализм". Правда, мы не претендуем на первенство или авторство. Ведь еще в конце XIX века концепцию социального либерализма выдвинули российские либералы. В частности, известный российский либерал Кистяковский серьезно занимался разработкой данной проблемы.

Б.Ф. Славин.⁷ Лично я несколько по-иному оцениваю значение социал-демократизма в России. На мой взгляд, социал-демократия в России сыграла громадную положительную роль. То, что в России 8-часовой рабочий день, то, что проблемы социальной ответственности являются наиболее животрепещущими - это заслуга социал-демократии. В целом же социал-демократия - это довольно противоречивое явление, состоявшее как из радикального крыла, так и из числа умеренных. Поэтому, на мой взгляд, было бы ошибочно смотреть на российскую социал-демократию, как на некий провал в истории.

Сам факт, который отметил А. Яковлев, что многие социал-демократы сидели в ГУЛАГе, свидетельствует о том, что они не сдавались и не предавали свои идеалы. Есть сведения о том, что Ленин незадолго до смерти обратился к идеям Мартова и неоднократно беседовал с Н. Крупской по поводу правоты меньшевиков. В одной из своих незавершенных статей Ленин, в частно-

⁷ Славин Борис Федорович, доктор философских наук, Московский педагогический университет.

сти, пришел к выводу о том, что если мы придем к НЭПу, то необходимо будет легализовать и многопартийность, в том числе и меньшевиков. Иными словами, необходимо более диалектично подходить к проблеме развития социал-демократии в России.

К сожалению, с формальной точки зрения, социал-демократия в России не находит основы. За нее голосуют не более 80 тыс. человек (т.е. менее 1% населения). Если же посмотреть на весь социал-демократический спектр, от красно-розовой стороны "Яблока" до левого спектра ближе к КПРФ, то, по моим подсчетам, за социал-демократические ценности голосует около 25-26 процентов. Я считаю, что программа "Отечества" во многом раскрывает и отстаивает ценности социал-демократии. Другое дело, что все эти мелкие и более крупные партии не объединены. У нас слишком велика амбициозность вождей, и многие партии, которые отстаивают по сути одни и те же социал-демократические идеалы, никак не могут объединиться и создать общий блок, который, как мне кажется, мог бы сыграть большую роль в жизни нашего общества.

На мой взгляд, тот факт, что у нас в стране нет солидной поддержки социал-демократического движения объясняется тем, что Россия находится в очень сложном экономическом положении. Население во многом раздроблено. Монолитного рабочего движения нет. Происходит его липеточное подкармливание. В отношении него ведется политика "разделяй и властвуй".

Российская история показала, что социализм без демократии отвергается народом. Об этом свидетельствует и тот факт, что, к примеру, ГКЧП не был поддержан массами. Это показатель того, что народ отвернулся от социализма без демократии. Но я бы хотел обратить внимание и на другую сторону вопроса. Вот уже 10 лет у нас существует демократия без социализма. Это тоже не воспринимается. Увлечение самыми крайними концепциями неоллиберализма (а по моим подсчетам, в США идеи Хайека и Фридмана отстаивают лишь около 10% американских экономистов) привело к отторжению.

Страна, в которой идеи справедливости, равенства, солидарности всегда были велики и уходили вглубь нашей истории, не может не отторгнуть такую политику. Особенно очевидным отторжение этой политики проявилось в 1998 г., когда произошел

дефолт и все ценности неоллиберализма фактически обанкротились.

Отсюда можно сделать вывод, что отторжение социализма без демократии и неприятие демократии без социализма рано или поздно приведут Россию к тем ценностям, которые будут сочетать в себе и демократию, и социализм.

Вместе с тем, рассматривать проблему социал-демократии только лишь в России, конечно же неправильно. Я думаю, что мы живем сегодня в глобальном обществе. Строить перспективы России без оценки глобального общества было бы неправильно. На мой взгляд, общество будущего будет носить некий синтетический характер. В нем будут представлены разнообразные ценности. Очевидно, к примеру, что сохранятся некоторые либеральные ценности, и в частности, идея свободы. Но я уверен и в том, что свобода без солидарности, без справедливости не будет воспринята будущим обществом. Равно как и отрицание наиболее эффективных форм производства (частная собственность, демократизм как таковой) обречено на провал. Создать такую программу - это как раз задача современной социал-демократии. Партия не может двигаться вперед, не имея подобной программы.

Сейчас в России существует Объединенная партия социал-демократии, которую возглавил М.С. Горбачев. Есть, как вы знаете, и другие партии, которые и должны, на мой взгляд, заняться разработкой этой программы, включающей концептуальное видение будущего нашего общества в мировом контексте. Ведь просто рассуждать о глобальном обществе, не говоря о том, на каких принципах это общество будет базироваться - это значит ничего не говорить. Многие политические движения и партии вкладывают в это сегодня совершенно различный смысл. Одно дело - глобальное общество, основанное на идеях либерализма, другое дело - глобальное общество, основанное на ценностях и либеральных, и социалистических, идеях справедливости и равенства.

Лично я думаю, что в XXI веке будет иметь место определенный возврат к классическим концепциям в осмыслении мира. Что нас ждет - "железная пята" по Джеку Лондону или мы построим глобальное общество на основах социальной демократии? Вот альтернатива, которую мы должны осознать. Каждая из

мировых социал-демократических партий должна внести в это дело свой посильный вклад, что в конечном итоге станет серьезным завоеванием социал-демократической мысли.

В.М. Кудров.⁸ Непреложный факт состоит в том, что в России начался исторический поворот к социал-демократизму. Сейчас для россиян особенно важно понять этот процесс. К сожалению, могу констатировать, что серьезных работ по данной проблематике крайне мало.

Тем не менее, исторически социал-демократизм вышел из чрева марксизма. Ф. Энгельс под конец жизни сам практически стал правым и по многим вопросам перешел на позиции социал-демократизма. Если взять, к примеру, Г. Плеханова, то он сначала был истовым марксистом, но впоследствии он стал настоящим социал-демократом.

Сила социал-демократизма заключается в том, что он базировался на плюрализме идей, концепций и теорий, а также на прагматизме. Банкротство марксизма как концепции, на мой взгляд, совершенно очевидно. Я хотел бы провести сравнение по ряду позиций.

Первое: марксизм исходит из неизбежности революции; социал-демократы - из реформизма и социального партнерства. Именно это возобладавало в мире и стало генеральным вектором развития.

Второе: у марксистов в основе лежит государственная собственность, на чем базируется власть одной партии, одной идеологии; у социал-демократизма - рынок. Сегодня на рубеже веков мы видим, что возобладали рыночные отношения.

Третье: марксизм - это опора на наемный труд, на один фактор производства, на рабочий класс; социал-демократизм опирается на ряд факторов производства. В этом отношении марксизм фактически является концепцией социального расизма (хорош лишь один класс).

Четвертое: марксистская теория обнищания относительная и абсолютная совершенно противостоят концепции социал-демократизма касательно повышения жизненного уровня на базе

повышения эффективности производства, научно-технического прогресса и т.д.

Пятое: составной частью марксизма является теория отрицания капитализма и его загнивания, чему противостоит социал-демократическая теория совершенствования капитализма. Что показала реальная действительность? Очевидно, что правы оказались не марксисты.

Нельзя не упомянуть и трактовку мелкого крестьянства. Отрицательное отношение к мелкому крестьянству проходит красной нитью через все работы Маркса и Энгельса, что впоследствии было воспринято большевизмом. Между тем социал-демократы всегда очень серьезно относились к индивидуальному крестьянскому хозяйству, праву частной собственности на землю и т.д.

Наконец, марксизм исходил из неизбежности мировой революции. Мы же сегодня являемся свидетелями глобализации. Глобализация тоже представляет собой своего рода мировую революцию, но уже на базе научно-технического прогресса.

Таким образом, с моей точки зрения, марксизм оказался в стороне основных векторов развития мировой цивилизации. Сегодня в нашей стране важно создать не только программу, но и теорию социал-демократизма. Необходимы серьезные научные исследования.

Хотел бы выразить свое несогласие с некоторыми тезисами, прозвучавшими ранее. Было противопоставлено общество в США и социал-демократия в Западной Европе. Я глубоко убежден в том, что идет процесс сближения западноевропейской социал-демократии и американских идей. Америка, с моей точки зрения, все больше и больше становится социал-демократической страной. Американская "новая экономика" неизбежно перейдет в Западную Европу и в первую очередь в Германию. Эта "новая экономика" подпирает социал-демократию, вливает новую струю кислорода. Это говорит о том, что социал-демократизм живет и развивается.

О.А. Беклемищева.⁹ На мой взгляд, основная проблема социал-демократии в России в том, что голоса лиц наемного труда и

⁸ Кудров Валентин Михайлович, доктор экономических наук, Институт Европы РАН.

⁹ Беклемищева Ольга Алексеевна, депутат Государственной Думы РФ, фракция "Яблоко".

людей, традиционно ориентирующихся на идеи социального равенства, консолидируют коммунисты. Поэтому единственная реальная перспектива для социал-демократии в России - это научиться работать с рабочим классом и профсоюзами.

В выступлении А. Поста уже было отмечено, что социал-демократы, приходя к власти в европейских странах, должны вести настолько либеральную политику, что в результате теряют рейтинг. Люди сразу задаются вопросом, почему они должны голосовать за социал-демократов, а не за либералов. Это самый актуальный вопрос, требующий незамедлительного решения, и который неизбежно встанет и у нас, если работающая на президента В. Путина крайне либеральная команда Г. Грефа, А. Илларионова будет сменена более социально ответственными силами. Нужно строить либеральную экономику и при этом не разочаровывать людей в социальном характере государства. Ведь любой, исполненный самых благих социальных намерений, политик неизбежно столкнется с экономическими реальностями.

Социал-демократы, по типу принятия решений, по типу своего руководства, склонны к коллективным формам взаимодействия, обсуждения. В России же сложилась суперпрезидентская модель, сопровождаемая негативным отношением большинства общества к парламентским структурам. Это приводит к тому, что чисто парламентские партии, в том числе и коммунисты не имеют того реального влияния на государственную политику, которое позволяло бы говорить о том, что они реально предлагают в экономике.

Вживание социал-демократии, на мой взгляд, возможно при педалировании общегуманных, общечеловеческих идей. Даже вынужденно проводя более либеральную политику, чем того бы хотелось, социал-демократы должны делать упор на развитие в преданных им социальных слоях идеалов общественного и гуманного отношения друг к другу, к более слабым членам общества и т.д.

Почему в ответ на констатируемую глобализацию капитала социал-демократам нельзя, прежде всего в Европе, в рамках Социал-демократии поставить вопрос о глобализации труда? Почему бы, хотя бы в отдаленной перспективе не заявить о том, что должна быть единая тарифная ставка за час рабочего времени во всем мире. Это прекратит перетекание капитала, раскачивающее лод-

ку мировой экономики и обрушивающее экономики целых государств. Понятно, что это очень неблизкая перспектива, но к этому нужно начинать стремиться.

Б.С. Орлов.¹⁰ Я хотел бы обратить внимание на следующий факт. Европейские социал-демократы действуют в условиях укорененной демократии и относительно цивилизованного рынка. В России пока нет ни того, ни другого. Поэтому мне представляется очень важным для нас следующее. Мы должны создать не просто социал-демократическую теорию в России, а социал-демократическую теорию переходного периода, где было бы четко сформулировано, как выстраивать цивилизованные рыночные отношения, как укоренять демократию в нашей стране.

Нам важно также усвоить, что сильное государство, конечно, необходимо России. Но в России сильное государство будет прежде всего сильно развитым гражданским обществом, а не армией и прочими силовыми структурами. Мне представляется, что мы продвинемся в нашей дискуссии, если будем учитывать эти два обстоятельства.

А.Т. Дробан.¹¹ Я разделяю сделанный Ю. Рубинским вывод о том, что европейская социал-демократия переживает кризис идентичности. По-иному можно было сказать, что это кризис идейного содержания.

Вместе с тем я бы не согласился с прозвучавшей позитивной оценкой тезиса Э. Бернштейна в отношении того, что "конечная цель - ничто". На мой взгляд, очевидно, что этот тезис питает неопределенность, оставляя в тени конечную цель борьбы. Но это же и есть прямая подпитка кризиса идейного содержания, вызванная отсутствием ответов на многие серьезные вопросы.

СДПГ еще 3-4 десятилетия назад по инерции считалась партией, у которой наблюдался серьезный интерес к вопросам теории, крупные теоретические традиции. Не желая никого обидеть, хотел бы выразить сожаление, что сегодня в рядах этой партии нет Каутских, Куновых, Бауэров. Однако дело даже не в масштабе фигур, а в содержании. Если взять Парижскую декларацию,

¹⁰ Орлов Борис Сергеевич, доктор исторических наук, ИНИОН РАН.

¹¹ А.Т. Дробан, доктор исторических наук, Московский государственный социальный университет.

работу Т. Майера, да и целый ряд иных документов и работ, то хотелось бы увидеть более определенную трактовку многих принципиальных вопросов.

Вопрос номер один: кто господствует в экономике и политике современного западного мира? Я думаю, что ответ очевиден: это крупный финансовый капитал, существующий сегодня в международном измерении. Каково отношение социал-демократии к этому факту? Четкого ответа на этот вопрос нет ни в литературе, ни на практике.

Второй вопрос: отношение к государству. Является ли современное западное государство вершиной развития, его венцом (по Фукуяме), которому сопутствует беспроblemное развитие и отсутствие каких бы то ни было угроз. Опять-таки неясно, как социал-демократия трактует эту проблематику на сегодняшний день.

Еще один аспект, это проблема отношения к суверенитету. Действительно ли социал-демократия считает, что проблема национального суверенитета исчерпана, или же здесь более глубинная и сложная проблема. Странной может показаться сама мысль о том, что кто-нибудь может выступить против суверенитета США или предположить что американцы "заражены" бациллой "суверенита". Получается односторонняя трактовка проблемы: одни (в частности, европейцы) должны расставаться с суверенитетом, а другие будут пользоваться благами своего все более глобального суверенитета. Это важная проблема, избежать решения которой нельзя.

И, наконец, я бы хотел обратить внимание прежде всего наших западных коллег на то, что перспективы нашей социал-демократии зависят прежде всего от наших внутренних условий. Однако в значительной мере они зависят и от поведения западноевропейской социал-демократии, задающей тон в мировой социал-демократии. Если учесть тот факт, сколь сильно подорвало перспективы развития отечественной социал-демократии молчание западных социал-демократов в отношении октябрьских событий 1993 г. (я имею в виду факт расстрела нашего парламента), то еще более разрушительные последствия будет иметь молчание и даже одобрение расширения НАТО на Восток, тем более на бывшие советские республики. Никогда носители такой перспективы, ни внутренние, отечественные, ни зарубежные, не

будут пользоваться доверием у нашего избирателя. Хотелось бы, чтобы западная социал-демократия ответственно отнеслась к этому вопросу и вовремя остановила авантюрные попытки такого рода. В этот случае влияние социал-демократии будет более ощутимым и даст позитивные плоды на нашей земле.

В.Л. Шейнис.¹² Мне кажется, что существует определенная коллизия, которая замкнута между двумя моментами. Первое. Организованная, институционализируемая социал-демократическая альтернатива отвечает объективным потребностям российского общества на современном этапе его развития. Второе. Создание влиятельной социал-демократической партии, получающей внушительную поддержку на выборах, наталкивается на серьезные, возможно, непреодолимые трудности.

Попытаюсь кратко развить оба высказанных тезиса. Обозначу три основных момента, почему Россия нуждается в сильной социал-демократической альтернативе.

Во-первых, либеральные реформы проводились без оглядки на их социальные последствия. Либерализм в России был дефектен. В России и приватизация, и другие реформы были проведены таким образом, что это восстановило против либералов и демократов значительную часть населения.

Во-вторых, социал-демократическая альтернатива призвана разрушить монополию наследников КПСС на представительство социальных интересов общества, прежде всего его обездоленных слоев. По сути дела, распад КПРФ уже начался. Но этот процесс идет чрезвычайно медленно. Люди из КПРФ уходят не к либералам, а к социал-демократам (это хорошо), или к крайним националистам (это очень плохо). В России, где национализм представляет очень серьезную опасность, социал-демократия чрезвычайно важна именно для того, чтобы абсорбировать социально обездоленных граждан, которые сегодня еще идут за коммунистами.

В-третьих, в эпоху всеобщего увлечения государственным, державничеством, безумного и бездумного прославления патриотических ценностей, поклонения национальным интере-

¹² Шейнис Виктор Леонидович, доктор, профессор, депутат Государственной Думы РФ 1-го и 2-го созывов; Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

сам именно социал-демократия реализует спокойную и взвешенную позицию в этих вопросах.

Попытаемся теперь соотнести эту идеальную модель с нашей действительностью. Социал-демократы, с одной стороны, появились на политической арене раньше других. Сегодня мы имеем 10-12 партий социалистической окраски, за которые голосует ничтожно малое количество избирателей. На мой взгляд, это происходит в силу трех причин. Во-первых, в России вообще были затоптаны ростки гражданского общества. Это, скорее, общая причина для всех партий. Во-вторых, становление современной, ответственной и влиятельной социал-демократии блокируется сохранением КПРФ. В-третьих, становлению сильной социал-демократии противостоят объективные условия современной России.

Что делать? Выход заключается в создании демократической коалиции, в которой социал-демократия будет играть главную идейную роль. Мне кажется, что структура Фабианского общества, которое, как известно, оказало колоссальное влияние на развитие по меньшей мере английского лейборизма, может оказаться конструктивной и продуктивной для российских условий. В России сегодня основная проблема - это не проблема собственности, не традиционные проблемы расхождения между либералами и социал-демократами, а проблема защиты демократии. Но чтобы эта демократия становилась более социальной, необходимо идейное влияние социал-демократизма.

В. Милитарев.¹³ Базовая проблема европейской социал-демократии состоит в том, что люди приходят к власти, имеют правление партии, парламентскую фракцию, правительство, но даже в этом случае не знают, социал-демократы они или либералы. В этом смысле "Манифест Блэра - Шредера" представляет собой жест отчаяния. Мы это хорошо понимаем, потому что базовой причиной провала российских социал-демократов было то, что у нас, по крайней мере в двух основных партиях, которые могли сложиться (СДПР и МПСР) годами господствовали настолько правые взгляды, что "Манифест Блэра - Шредера" мог

¹³ В. Милитарев, Российская объединенная социал-демократическая партия.

бы показаться Бад-Годесбергской программой. Поэтому за нас и не голосовали.

Если Социалистический Интернационал из солидной международной организации фактически превратился в клуб встреч по интересам, а центр тяжести перенесен в реальные структуры типа Европейской партии и Европейской фракции, то это не случайно. Другое дело, хотим мы его возрождать или нет. Ведь глобализация (в мировом масштабе, а не европейская интеграция) приводит к одновременному понижению уровня жизни и в Европе, и в южных странах.

Что такое глобализация? По сути, это экспансия "дикого" "манчестерского" капитализма в международные экономические отношения. "Дикий" капитализм был побежден в Европе социально ориентированной и по сути кейнсианской политикой национального государства. По логике, экспансию "дикого" капитала в мировом масштабе могут одолеть лишь те же мероприятия, но опять-таки в мировом масштабе. Проблема в том, что для них нет субъекта. Может ли быть этим субъектом, по крайней мере, субъектом агитации Социалистический Интернационал? Может ли он призывать к переосмыслению функций существующих международных организаций, к их большему сближению с ООН и к созданию новых международных организаций? Что мешает нам организовать международную резервную систему (по аналогии с той, которой пользовался Ф. Рузвельт), которая точно также страховала бы портфельные инвестиции со всех сторон? Что мешает нам предложить МВФ пропагандировать не финансовую стабилизацию в южных странах, а расширение внутреннего рынка и поддержку профсоюзов? Что мешает нам предложить Мировому банку поддерживать не право на ориентированные инвестиции, а инвестиции в сферу культуры и образования на Юге при условии, что они будут проводить разумную демографическую политику?

А.К. Исаев.¹⁴ Есть страны, где социал-демократия сильно развита. Есть страны, которые на карте Социнтерна являются хроническими белыми пятнами. Сегодня Россия является таким белым пятном. Вопрос в том, будем ли мы обречены на то, что здесь не сложится социал-демократической партии, либо это

¹⁴ Исаев Андрей Константинович, депутат Государственной Думы РФ.

временное состояние дел. В ряде предшествовавших выступлений прозвучала мысль о том, что наша страна практически готова к социал-демократии. Если посмотреть программы политических партий, то действительно может сложиться такое впечатление. Практически во всех программах можно найти те или иные социал-демократические положения. Парадокс заключается в том, что люди из этих партий, движений, объединений, оказавшись в структурах исполнительной власти, проводят одинаковую ультралиберальную политику. Это значит, что Россия объективно является страной ультралиберальной политики, повсеместно и всюду провозглашающей к тому же социал-демократические программы.

Я представляю профсоюзное движение. Но мы создали политическое движение "Союз труда", потому что хотим иметь нормальное политическое представительство рабочего движения. На последних выборах, на наш взгляд, наиболее близким к социал-демократии движением был блок "Отечество - Вся Россия". Это не идеальный политический блок, но здесь мы нашли то, что интересовало профсоюзы и рабочее движение. Сегодня основную нагрузку несет созданная нами межфракционная депутатская группа "Солидарность", в которую вошли представители как традиционных, так и альтернативных профсоюзов, которые представлены в Государственной Думе. Через эту группу мы пытаемся на прикладном уровне реализовывать то, что относится к социал-демократическим ценностям.

Мы активно противодействовали попыткам исполнительной власти пойти по пути существенного сокращения социальных льгот. В Европе социал-демократия сложилась как движение за социальные льготы. Есть ли у нас резерв для подобного движения? Как человек, выступающий против мер правительства по свертыванию социальных льгот, говорю, что резерва движения борьбы за новые социальные льготы в России нет. У нас есть огромное количество провозглашенных в законе, но не существующих на практике льгот. У нас самые высокие налоги, которые можно было бы использовать для перераспределения в пользу малоимущих слоев населения. Резерва увеличения этих налогов нет в России. Поэтому объективно власть будет вести политику сокращения налогового бремени, сокращения числа льгот и категорий льготников. Единственное, что мы можем отстоять, это то, что данное сокращение не будет слепым.

Значит ли это, что в нашей стране нет места для социал-демократического движения? Нет, не значит. Но это движение должно на сегодняшний день иметь один узкий, но в то же время очень широкий плацдарм. Это заработная плата. В этой сфере ситуация действительно катастрофическая. Единственный путь построения крепкого и серьезного профсоюзного и социал-демократического движения в России - это борьба за повышение заработной платы в России. Мы рассчитываем с сентября этого года развернуть широкомасштабную кампанию за повышение зарплат в нашей стране как профсоюзными, так и политическими средствами. Возможно, мы прибегнем и такому средству, как организация референдума по вопросу "Считаете ли Вы возможным установление минимального размера оплаты труда в нашей стране уже в этом году не ниже прожиточного минимума?"

О. Соколов. В этом году исполнилось 10 лет организованной социал-демократии в России. 10 лет назад была создана Социал-демократическая партия России. Можно подвести первые итоги. Кратко это можно было бы назвать многообразием при полном отсутствии. За это время появилось огромное число социал-демократических и социалистических движений, которые фактически не являются реальной политической силой. На протяжении всех этих 10 лет социал-демократия, на мой взгляд, реальной политической силой в России не являлась.

Налицо полная оторванность политических организаций, которые называют себя социал-демократическими, от массовых социальных движений, и прежде всего от профсоюзов. В лучшем случае существовали замкнутые кружки по интересам одних и тех же людей, которые агитировали и пропагандировали идеи социал-демократии в своем узком кругу, даже не выходя за него. В худшем случае это конъюнктурные попытки отдельных политических фигур пристроиться во власть.

На мой взгляд, партийные программы ничего не стоят без опоры на практическую деятельность. За 10 лет мы договорились о программах, но практически ничего не сделано. Реальная практическая социал-демократия в России только-только появляется. Конкретными носителями реальной социал-демократии являются, во-первых, профсоюзы. Участие профсоюзов в политической жизни - это вынужденный шаг, обусловленный отсутствием сильной социал-демократической партии. Во-вторых, это

социальные, прежде всего региональные социальные движения ("Май", "Союз труда" и др.). В-третьих, это созданная межфракционная депутатская группа "Солидарность". Это первая парламентская группа, которая занимается конкретными социал-демократическими шагами.

Л.Б. Куликов.¹⁵ Социал-демократия, в отличие от марксизма, стоит на принципах компромисса. Россия - это не страна компромисса. Это цивилизация монолога. Мы никогда не жили в другом режиме. Поэтому за социал-демократией в России чрезвычайно сложная ситуация. Цивилизация монолога живет либо в состоянии хаоса, либо в состоянии авторитаризма.

Мне приходилось работать с разными политическими силами, и в частности, в программной комиссии у Е. Гайдара. Я предложил положить в основу программы сформулированные нами ценности, вокруг которых можно будет выстроить политический каркас. Реакция была отрицательной. О ценностях наши демократы разговаривать не хотят. А если они не хотят разговаривать о ценностях, то, спрашивается, какие же это демократы?

Ю. Рубинский. Мы можем сегодня констатировать, что плюрализм форм собственности при доминировании частной, рыночная экономика, региональная, и прежде всего европейская, интеграция, наконец, глобализация являются необратимыми объективными процессами. Альтернативы им нет.

Значит ли это, что данные процессы должны протекать стихийно, а их последствия фатальны? Нет. Достаточно обратиться к Кельнскому заявлению "восьмерки" в прошлом году, чтобы увидеть, что в этом убеждены все. Можно ли канализировать эти процессы в русло, которое бы включало в себя и социальное измерение? Я глубоко убежден в том, что можно и должно. Это проблемы занятости, образования, здравоохранения, экологии, развития "третьего мира" и т.д. Если все это суммировать, то получится "человеческое измерение" с определенным этическим знаком. Это и есть смысл существования социал-демократии XXI века.

¹⁵ Л.Б. Куликов, кандидат наук, Российская партия социальной демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заседания "круглого стола", состоявшегося 12 июля 2000 г. в Институте Европы РАН, позволяют сделать вывод о том, что проблемы социал-демократизма как в Европе в целом, так и в России, в значительной степени приобретают актуальный характер.

В Европе это происходит потому, что в большинстве государств социал-демократические партии или их преемники социалистического левого толка оказались у власти. Трудно сказать, сколь долго продлится это состояние. Консервативные партии и партии либеральной направленности оказались в оппозиции и, конечно, думают о том, как в будущем добиться политического, а зачастую и идеологического реванша. В этой связи они начинают пересматривать свои программы, разрабатывают новую стратегию и тактику. В ближайшее время нынешним правящим партиям придется не столь легко: их идеологические соперники не стоят на месте.

Выступления западноевропейских участников "круглого стола" от Германии (А. Пост) и Швеции (К. Фредериксон) в довольно наглядной форме иллюстрируют проблемы, волнующие социал-демократов тех стран, где их идеология и политика традиционно имеют весьма глубокие корни.

Конечно, чтобы всесторонне обсудить вопросы, связанные с современной социал-демократией в Европе в целом, нужен более расширенный состав участников "круглого стола". Возможно, в ближайшее время это удастся сделать. Во всяком случае Институт Европы РАН в своем перспективном плане предусматривает это и посвящает проблеме социал-демократии страницы своего нового журнала "Современная Европа".

Бесспорный интерес представляет положение в современной российской социал-демократии. Это в том случае, если считать, что она уже существует. На данном этапе, даже учитывая выступления участников состоявшегося "круглого стола", социал-

демократическое движение в России, его многочисленные и малочисленные партии, находятся пока еще в процессе становления.

Это ни в коей степени не означает, что социал-демократия в России обречена на "провал". История нашей страны богата социальными потрясениями - революциями и контрреволюциями. Сейчас наступил период усталости от всего этого. Люди хотят изменений путем постепенных реформ без гражданских войн и кровавых схваток. Иным кажется, что это можно сделать с помощью социал-демократии и ее партий, хотя порой представления об этом являются довольно расплывчатыми. Сейчас редкая партия в России не использует социал-демократическую терминологию, избегая при этом, правда, слова "социализм".

Проведенный Институтом Европы РАН и социал-демократическим Фондом им. Фридриха Эберта данный "круглый стол" - это лишь один из малых шагов в разработке дефиниции "современная социал-демократия" применительно к сегодняшнему дню. Для этого потребуется немало усилий и не один год для получения практического опыта. Но опыт прошлого нельзя сбрасывать со счетов.

В 1999 г. были выпущены следующие
доклады Института Европы

52. И.Ф. Максимычев. Континент на перепутье. Новая Россия и новая Германия в новой Европе (Внешиеполитические аспекты), ДИЕ РАН, N52, М. 1999г.

53. К.С. Вяткин. Бремя итогов - время перемен: восточные горизонты европейской политики Германии, ДИЕ РАН, N53, М. 1999г.

54. Е.В. Водопьянова. Научно-технический потенциал стран СНГ и восточной Европы: проблемы и перспективы, ДИЕ РАН, N54, М. 1999г.

55. Г.И. Морозов. ООН на рубеже XXI века (кризис миротворчества ООН), ДИЕ РАН, N55, М. 1999г.

56. Под редакцией В.Н. Шенаева. Экономические и социальные процессы в странах Европы, ДИЕ РАН, N56, М. 1999г.

57. Под редакцией Н.П. Шмелева (Шмелев Н.П., Водопьянова Е.В., Кандель П.Е., Кудров В.М.). Постсоветские государства в Европе XXI века, ДИЕ РАН, N57, М. 1999г.

58. Ю.И. Рубинский. Европейская цивилизация между двумя тысячелетиями, ДИЕ РАН, N58, М. 1999г.

59. Под редакцией Д.А. Данилова. (Д. Данилов, А. Мошес, Т. Бордачев). Косовский кризис: новые европейские реалии, ДИЕ РАН, N59, М. 1999г.

60. К.С. Вяткин, Ю.И.Рубинский, В.С.Рыкин. Европейская модель на пороге XXI века. Материалы международной конференции, Москва, 19-20 мая 1999 г., ДИЕ РАН, N60, М. 1999г.

61. Под редакцией Н.А. Ковальского. Проблемы Европейского регионализма, ДИЕ РАН, N61, М. 1999г.

52. Igor F. Maximytchev. A Continent at the Crossroads. New Russia and new Germany in new Europe (Foreign Policy Aspects), Reports of the Institute of Europe, N 52, M. 1999.

53. K.S. Viatkin. Burden of Results – Time of Changes: Eastern Horizons of European Policy of Germany, Reports of the Institute of Europe, N 53, M. 1999.

54. E.V. Vodopianova. CIS and East European Countries Scientific and Technological Potential: Problems and Perspectives, Reports of the Institute of Europe, N 54, M. 1999.

55. G.I. Morozov. The UN on the Brink of the XXI Century (Crisis of the UN Peacemaking), Reports of the Institute of Europe, N 55, M. 1999.

56. V.N. Shenaev. Economic and social processes in countries of Europe, Reports of the Institute of Europe, N 56, M. 1999.

57. N.P. Shmeliyov. Post-soviet states in Europe XXI of century, Reports of the Institute of Europe, N 57, M. 1999.

58. J.I. Rubinski. The European civilization between the Two Milleniums, Reports of the Institute of Europe, N 58, M. 1999.

59. D.A. Danilov, A.Moshes, T. Bordachev. Kosovo Crisis: New European Realities, Reports of the Institute of Europe, N 59, M. 1999.

60. K.S. Viatkin, J.I. Rubinski, V.S. Rykin. The European Model on the Eve of the 21st Century, Reports of the Institute of Europe, N 60, M. 1999.

61.N.A. Kovalski. Problems of European Regionalisation, Reports of the Institute of Europe, N 61, M. 1999.

**СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ЕВРОПЕ:
ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ**

Подписано в печать 27.09.00. Формат 60×90^{1/16}.
Физ. печ. л. 3,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЗАО "Интердиалект+"
103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3В
ЛР № 064932 от 20.01.97